

Валентина Олейникова

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ
привилегированные
сословий в Италии
и на Лазурном
берегу Франции.

16+

Валентина Олейникова

**Русские женщины
привилегированных
сословий в Италии и на
Лазурном берегу Франции**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Олейникова В. П.

Русские женщины привилегированных сословий в Италии и на Лазурном берегу Франции / В. П. Олейникова — «ЛитРес: Самиздат», 2011

В условиях структурных преобразований постсоветского периода одной из наиболее отчетливо проявляющихся тенденций российско-европейских отношений является непрерывное возрастание числа россиян, выезжающих за рубеж временно или на постоянное место жительства – для получения образования, в туристические поездки, в поисках работы, по причинам личного характера. Одной из самых популярных стран, неизменно привлекающих путешественников и переселенцев, всегда была Италия. На обложке фотокопия картины И. Айвазовского "Неаполитанский залив" (1841 г.)

© Олейникова В. П., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Введение	5
Глава 1. Формирование и развитие российской диаспоры в итальянских государствах	12
1.1. Зарождение и развитие русско-итальянских политических и социально-культурных связей	12
1.2. Установление дипломатических отношений, оформление законодательной базы выезда русских подданных за рубеж	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валентина Олейникова

Русские женщины привилегированных сословий в Италии и на Лазурном берегу Франции

Введение

В условиях структурных преобразований постсоветского периода одной из наиболее отчетливо проявляющихся тенденций российско-европейских отношений является непрерывное возрастание числа россиян, выезжающих за рубеж временно или на постоянное место жительства – для получения образования, в туристические поездки, в поисках работы, по причинам личного характера. Одной из самых популярных стран, неизменно привлекающих путешественников и переселенцев, всегда была Италия.

При современном уровне миграции разных социальных слоев и интенсивности культурного обмена изучение опыта российской женской миграции на Апеннинах приобретает особую актуальность. Миграция женщин в Италию является одной из форм продолжающегося сближения России с Европой, начавшегося несколько веков назад, а потому в современной отечественной историографии особую значимость стало приобретать изучение социальных аспектов развития эмигрантских поселений за рубежом, в частности, в Италии, в различные исторические периоды.

В этой связи представляется актуальным обращение к историческому опыту адаптации женского аристократического и интеллектуального мира к реалиям эволюции итальянского общества в XVIII–XX столетиях. Внимательное изучение альтернативного женского опыта в прошлом позволяет приблизиться к разрешению экономических и социокультурных проблем российского общества в настоящем. С другой же стороны, необходимость изучения заявленной проблемы вызвана определенными лакунами гендерного плана в комплексных работах, посвященных пребыванию наших соотечественников за рубежом. Занимаясь исследованием персоналий русских европейцев¹, ученые традиционно размещали женщин в их тени.

В данной монографии исследуются российские женщины привилегированных сословий, проживавшие на Апеннинах с 1730-х гг. до конца 1930-х гг. В работе рассматривается их эволюция, статусная, хозяйственная и социально-психологическая перестройка во время пребывания в Италии, анализируется роль российских женщин привилегированных сословий в политической, культурной и повседневной жизни русских колоний.

Временной период, ограниченный вышеуказанными хронологическими рамками, позволяет воссоздать целостную картину «европеизации», «феминизации» и эмансипации² россиянок за границей, ибо именно в XVIII в. связи с Италией перестали быть эпизодическими в силу ряда причин, в том числе благодаря формированию слоя дворянской интеллигенции, оппозиционного правительству. Благодаря прогрессивным устремлениям дворян-интеллигентов феминизм из социально-политического движения за равноправие женщин перерос в явление общекультурного масштаба с развернутой философской концепцией, базирующейся на

---

¹ Кантор В. Русский европеец как задача России // Вестник Европы. – М., 2001. № 1. Термин «русский европеец» первым ввел А.И. Герцен, противопоставляя «московский панславизм» и «русский европеизм».

² Большой толковый социологический словарь. – М., 1991. – С. 258. С 1890-х годов слово «феминизм» использовалось в западном мире как синоним понятия «женская эмансипация». Феминистами или феминистками называли тех, кто поддерживал идею женской эмансипации. Под эмансипацией женщин понимается стремление к уравниванию прав обоих полов.

гендерном основании. Согласно феминисткой философии, именно гендерный фактор обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы³.

Работа была проведена на стыке двух исследовательских направлений в рамках истории русско-итальянских отношений, которые изучались и российскими, и итальянскими учеными. С одной стороны, это история развития политических и социально-культурных связей России и Италии, с другой стороны – история гендерных отношений. В российской историографии рассматривались отдельные вопросы общественного и правового положения русской женщины привилегированных сословий, делались попытки выяснения ее места в культурной жизни общества, но опять-таки при доминировании андроцентричного подхода. В основной массе исследований речь шла не об изучении действительного статуса дворянской дамы, а только об отдельных иллюстративных примерах, с ней связанных. Выводы, которые в них делались, носили общий характер. Вопрос же о роли русской женщины в развитии европейской истории стал впервые затрагиваться в сугубо гендерных исследованиях.

Можно выделить отдельные направления историографии проблемы: сочинения отечественных ученых дореволюционного российского, советского и постсоветского периодов как по «женской» тематике, так и по проблемам их «проникновения в Европу», а также гендерные исследования зарубежных авторов, посвященные россиянкам XIX столетия. Именно в этот период знание «женской истории», особенностей эволюции социально-правового и семейного статуса горожанок и дворянок было востребовано временем. Трехтомник «Замечательные исторические женщины на Руси» Д. Л. Мордовцева⁴ и исследование «Русская женщина XVIII столетия» В. Михневича⁵ переиздавались не раз, так как были написаны сторонниками предоставления женщинам равных прав на образование и участие в политике. В работе Д. Л. Мордовцева «Русские женщины нового времени» впервые были даны жизнеописания известных дворянок З. Волконской, С. Свечиной, Ю. Криденер, выехавших за рубеж на постоянное жительство не только по соображениям личного характера.

В 1860–1870-е гг. появились научные публикации, авторы которых анализировали место женского вопроса в системе современных им юридических знаний, в педагогике и публицистике. Но бытовая сторона жизни аристократок изучалась мало. Во второй половине XIX – начале XX столетий за освещение своего исторического прошлого взялись сами женщины. Е. Лихачева⁶, Е. Щепкина⁷ попытались дать научное объяснение женского неравноправия. В дореволюционной отечественной историографии складывалась традиция историко-культурного описания отдельных персоналий, в том числе и представительниц дворянского сословия конца XVIII–XIX вв⁸.

В советский период появились работы отечественных историков, посвященные истории Италии⁹, русско-итальянским отношениям: дипломатическим¹⁰, культурным¹¹ и др. Темой

³ Крыкова И.В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке. Analiculturolog.ru; См. также: Ерохина Л.Д. Гендерология и феминология. – М., 2009.

⁴ Мордовцев А. Замечательные исторические женщины на Руси. – М., 1994.

⁵ Михневич В.О. Российская дама XVIII столетия. – М., 1990. (Репр. 1895 г.).

⁶ Лихачева Е. Новости по женскому делу во Франции и Америке // Отечественные записки. 1869. № 5; Она же. Женское движение за последнее десятилетие // Отечественные записки. 1880. № 3.

⁷ Щепкина Е.Н. Из истории развития женской личности в России. – СПб., 1914.

⁸ См. Снытко Н.В. Две тени Остафьевского парка // Встречи с прошедшим. – М., 1990. Вып. 7.

⁹ История Италии: в 3 т. / под ред. С.Д. Сказкина. – М., 1970; Кин Ц.И. Италия конца XIX века: судьбы людей и теории. – М., 1978; Она же. Италия на рубеже веков. – М., 1980.

^{10 11} Шаркова И.С. Посольство И.И. Чемоданова и отклики на него в Италии // Проблемы истории международных отношений. – Л., 1972; Травников С. Н. Путевые записки Петровского времени (проблемы историзма). – М., 1987; Серова О.В. От Тройственного Союза к Антанте. – М., 1983; Сибирева Г.А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII века. – М., 1981.

«Русские в Италии» в советское время занимались искусствоведы Ю. П. Глушакова, И. Н. Бочаров¹². Другие историки затрагивали «итальянскую» тему параллельно с основными научными интересами. Феминизм же, как понятие в отечественной историографии, многие десятилетия считался частью рабочего и социалистического движения, хотя советские ученые К. Ф. Мизиано, Ц. И. Кин, К. Э. Кирова¹³, исследовавшие историю революционной эмиграции конца XIX – начала XX вв. традиционно уделяли внимание мужскому большинству. Имена А. Кулешовой, А. Балабановой, Р. Плехановой, М. Андреевой в их работах появлялись нечасто¹⁴. Послеоктябрьскую волну эмиграции анализировали Л. К. Шкаренков, А. Л. Афанасьев, В. В. Костиков¹⁵, в основном, критикуя уезжавших. В целом, в советский период стали закладываться основы изучения российской эмиграции как культурной, так и революционной.

Специальные гендерные исследования стали развиваться в отечественной науке сравнительно недавно, в постсоветский период, в основном, как междисциплинарная сфера знания¹⁶.

Объектом специального исторического исследования российская дама стала в работах Н. Л. Пушкаревой¹⁷, которая уделила большое внимание исследованию вопросов частной жизни и повседневного быта представительниц разных сословий русского общества XVIII – н. XIX вв., в том числе и дворянского.

В постсоветский период стал развиваться интерес к русским эмигрантам в Италии, их влиянию на итальянское общество и его культуру, а также на судьбу своей Отчизны. Отечественные исследователи продолжают активно изучать русско-итальянские связи, особенно культурные¹⁸. Следует выделить работы С. Ю. Нечаева, собравшего значительное количество интересных фактов о русских людях за границей¹⁹. Ряд авторов детально изучали узкоспециальные вопросы. Так, В. Кейдан занимался итальянскими гастрольями «Русских балетов» С. Дягилева²⁰, А. Конечный – итальянскими корреспонденциями М. Осоргина²¹.

Среди работ зарубежных ученых интерес представляет монография американского исследователя М. Л. Маррезе, опровергнувшего существующее андроцентричное представление о дворянском обществе дореформенной России. С одной стороны, в том обществе замужняя

¹¹ См. Потапова З.М. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX в. – М., 1973; Тимофеев Н.И. СССР – Италия: культурные связи. История и современность. – М., 1980; Коваль Л.М. Русско-итальянские общественные связи: – М., 1981; Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская Пушкиниана. – М., 1991.

¹² Бочаров И., Глушакова Ю. Итальянская Пушкиниана. – М., 1991; Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П. Карл Брюллов. Итальянские находки. – М., 1984; Бочаров И.Н., Глушкова Ю.П. Русский мемориал в Риме // История. – М., 1985.

¹³ Кирова К.Э. Русская революция и Италия. Март-октябрь 1917 г. – М., 1968; Кин Ц.И. Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. – М., 1978; Кин Ц.И. Италия на рубеже веков. Из истории общественно-политической мысли. – М., 1980; Мизиано К.Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX–XX вв. – М., 1976.

¹⁴ См. напр. Павлюченко Э.А. Дамы в российском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер. – М., 1988; Плеханова Р.М. Моя жизнь // Вопросы истории. 1970. № 11, 12; Таланов А. Большая судьба. – М., 1967; Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. – М., 1961.

¹⁵ Афанасьев А.Л. Польша в чужих краях. – М., 1987; Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Судьбы русской эмиграции. – М., 1990; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1987.

¹⁶ См. напр. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина Европейского прошлого. – М., 2002; Она же. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Альманах гендерной истории. Адам и Ева. – СПб., 2003; Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина Европейского прошлого. – М., 2002.

¹⁷ Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; Пушкарева Н.Л. Дамы старой Руси. – М., 1989; Она же. Именитые россиянки. – М., 1991; Она же. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. – М., 1996; Она же. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. – М., 1996.

¹⁸ Комолова Н.П. Хожение во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. Из века XIX в век XXI. м., 2004; Она же. Италия в русской культуре серебряного века: времена и судьбы. – М., 2005.

¹⁹ Нечаев С.Ю. Русская Италия. – М., 2008; Он же. Русская Ницца. – М., 2008; Он же. Знаменитые русские за границей. – М., 2009; Он же. Знаменитые итальянцы в России. – М., 2010.

²⁰ Кейдан В. Мельница Арьенцо. «Русские балеты» С.П. Дягилева в Италии // Русское искусство. 2006. – № 1.

²¹ Конечный А. Италия в корреспонденциях М.А. Осоргина на страницах московской газеты «Русские ведомости» (1908–1915 гг.) // Русско-итальянский архив II / сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002.

женщина не могла ни работать, ни путешествовать без разрешения мужа, а развод был для нее почти недостижим. С другой стороны, как показал автор, опираясь на детальный анализ множества имущественных сделок и тяжб, дворянки обладали правами владения имуществом и умели пользоваться ими на практике²². Среди итальянских специалистов первые слависты появились в середине XX века. Классическим общим трудом о пребывании русских в Италии долгое время оставалась книга патриарха итальянской славистики Э. Ло Гатто «Русские в Италии», появившаяся в 1971 г.²³ Но он изучал в основном XIX век, считая эпоху «русского романтизма» наиболее важным периодом в развитии русско-итальянских отношений. Следующим важным историографическим достижением стал сборник статей «I russi e l' Italia» («Русские и Италия»), опубликованный в 1995 г. под редакцией В. Страды.

В Италии существует обширная литература о взаимоотношениях итальянских социалистов и коммунистов с российскими революционерами. В 1970-е гг. было опубликовано серьезное исследование А. Тамборры «Русские изгнанники в Италии с 1905 по 1917»²⁴. Неким прологом к изучению послеоктябрьской эмиграции стала книга ученика А. Тамборры – А. Вентури «Rivoluzionari russi in Italia. 1917–1921» («Русские революционеры в Италии»), опубликованная в 1979 г.

Немало разносторонних работ посвятил российской эмиграции С. Гардзонио²⁵. Г. Эльда изучала переписку Вяч. Иванова и О. Синьорелли²⁶. Интенсификация научных контактов отечественных ученых с итальянскими исследователями способствовала распространению и развитию в нашей стране нового научного направления гендерных исследований, в рамках которого изучаются практически все вопросы взаимодействия мужчин и женщин и на уровне общества, и в личной жизни. Интересен комплексный труд итальянских исследователей и русских историков «I Demidoff a Firenze e in Toscana»²⁷, составленный интернациональным коллективом, посвященный пребыванию семейства Демидовых в Тоскане.

В последние годы в связи с развитием взаимопроникновения русской и итальянской культур в современной отечественной историографии вырос интерес к разработке проблемы культурного типа российской дворянки. По-видимому, это явилось следствием известной концептуальной переориентации исследований макропроцессов на «микроисторию» отдельного человека и групп. Отсюда – интенсивная разработка сюжетов по социальной истории, в том числе истории отдельных сословий и даже отдельных дворянских родов по гендерной истории и по истории частной жизни, в том числе связанных с Италией: Бутурлиных, Демидовых, Волконских и других. Среди популяризаторов «русской истории в Италии», в работах которых содержится интересный фактический материал, необходимо назвать имена Н. Каухчишвили, Д. Пуччо, М. Талалая, Б. Мирабини-Цигглер, П. Каццола, М. Моретти, В. Гасперович²⁸.

Анализ степени научной разработки проблемы позволяет установить, что в отечественной историографии исследования историко-культурного характера, в которых особое внимание уделено анализу культурно-бытовых и эмоционально-психологических качеств жизни дво-

²² Марресе М.Л. Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России. 1700–1861. – М., 2009.

²³ Lo Gatto E. Russi in Italia. – Roma, 1971; L'Est Europeo e l'Italia: Immagini e rapporti culturali. – Genève, 1995.

²⁴ Tamborra A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Riviera ligure, Capri, Messina. – Roma 2002. (1 print 1977).

²⁵ Гардзонио С. Страницы из потерянной тетради в клетку // Знамя. – № 1. 2010; Он же. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. – М., 2006.

²⁶ Гаретто Э. Переписка В. Иванова и О. И. Синьорелли // Русско-итальянский архив III. Archivio russo-italiano III. Vjačeslav Ivanov – Testi inediti, a c. di D. Rizzi e A. Šiškin. 2001.

²⁷ Tonini L. I. Demidoff a Firenze e in Toscana. Firenze, 1996; Тонини Л. Заметки о роли Флоренции в русской культуре первой половины XIX века // Произведения русских художников из музеев и частных коллекций Италии. – М., 1999.

²⁸ Каухчишвили Н. Раиса Маритен и русская диаспора // Europa Orientalis. 2008. Vol. 27. Il Diario di Dar'ja Fedorovna Ficquelmont. Milano, 1968; Пуччо Д. Итальянцы в России. – Рим, 2008; Мирабини-Цигглер Б., Талалая М.Г. Русская колония в Мерано. – Больцано, 2006; Каццола П., Моретти М. Русские в Сан-Ремо в период XIX–XX веков. – Сан-Ремо, 2005; Ипполитова Г., Гасперович В. Владельцы «Виллы Абамелек». – СПб., 2005.

рянки и интеллектуалки в Европе, ограничиваются, в основном, хронологическими рамками XVIII – начала XIX вв. Тема дворянской женской эмиграции в Италию специально не рассматривалась. Акценты в изучении российской дворянки делались на влиянии православного фактора²⁹, что исключало внимание к другим конфессиям, прежде всего к католицизму.

До настоящего времени не было создано ни одной комплексной работы по теме «русские итальянки». Как отечественная, так и итальянская историография не располагают специальными научными трудами, посвященными анализу жизнедеятельности русской аристократки в Италии в XVIII–XX столетиях. Оторваться от традиционных подходов и сфокусировать внимание на комплексном изучении пребывания русских женщин на Апеннинах стало задачей, которую преследовал автор в данном исследовании.

Были исследованы опубликованные и архивные материалы на русском и итальянском языках. Автор изучил 14 фондов государственных архивов России и Италии. Были использованы материалы фондов Российского государственного исторического архива (РГИА)³⁰, Российского государственного архива древних актов (РГАДА)³¹, Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)³², Государственного архива Курской области (ГАКО)³³, Римского центрального государственного архива³⁴, Неаполитанского государственного архива³⁵, исторического архива провинции Флоренция³⁶, государственного архива Турина³⁷ и муниципальных архивов Портичи, Салерно, Позитано³⁸.

Благодаря выявленным материалам удалось получить информацию о развитии дипломатических отношений, формировании итало-русских контактов, передвижении граждан России по территории Италии, приобретении собственности, деятельности российских дворянок и интеллектуалок в различных сферах жизни страны. Большинство архивных материалов впервые вводится в научный оборот, в том числе данные из личных (частных) архивов выдающихся «русских итальянцев»³⁹. Весьма информативным было изучение личных архивов семейных династий г. Рима. Эти фонды уникальны тем, что, во-первых, составлены из документов семейных архивов, собиравшихся на протяжении длительного времени; во-вторых, содержат материалы, имеющие отношение к разным поколениям женщин семейств Демидовых, Киджи-Барятинских, Серракаприола-Вяземских и других.

Для ознакомления с фактами полицейского надзора за эмигрантами изучались документы полицейского управления г. Неаполя⁴⁰. Для подтверждения факта получения русскими дворянками высшего образования в Италии исследовались университетские архивы г. Неа-

²⁹ Пушкирева Н.Л. Семья, дама, сексапильная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. – С. 61.

³⁰ РГИА. Ф. 880. Оп. 5. Д. 42, Д. 76, Д. 84, Д. 96, Д. 147, Д. 152, Д. 267 (Абамелек – Лазаревы).

³¹ РГАДА. Ф.1252. Оп. 1. Д. 61, Д. 543, Д. 533, Д. 582, Д. 922, Д. 981, Д. 1266, Д. 1398 (Абамелек – Лазаревы).

³² АВПРИ. Ф. 340. Оп. 840. Д. 38. Л. 214–231. (Коллекция документальных материалов чиновников МИД).

³³ ГАКО. Ф.183. Оп.1. Д. 48. Л. 4 (Курская Мариинская женская гимназия)

³⁴ Archivio Gor'kogo (Fondo). H-59-29-1. Alcune lettere di Gor'kogo // Archivio Centrale dello Stato di Roma; Matrice № 10. Registro Partita № 9. 28.05.1904. (Запись в кадастровой книге г. Рима за № 1444) // Archivio Centrale dello Stato di Roma.

³⁵ Fondo di città. B. 4. Fasc. 3083–3 // Archivio Centrale di Stato di Napoli; Ministero affair Esteri. Fondo: S-Peterburg. Fasc. 2909–2918. (1793–1860), Fasc. 2926–2928 (1817–1860), Fasc. 4721(1834), 4723 (1778–1787) // Archivio Centrale di Stato di Napoli; Archivio private Mareshca – Serracapriola (Fondo) Fasc.109, Fasc.110, F. 123; Alcune lettere di Ignazio Pietroboni della Compagnia di Gesu. 1806–1815 // Archivio Centrale di Stato di Napoli.

³⁶ Archivio Demidoff (Fondo) F. 2081bis 2308, 7673 // Archivio storico della provincia di Firenze.

³⁷ Materie politiche – Lettere ministri Russia. M. 7. F. 4 // Archivio di Stato di Torino.

³⁸ Fasc. Forstieri, Cart. 9.05.1924 // Archivio Comunale di Salerno; Fasc. Forstieri a Positano. Cart. A 15 // Archivio Comunale di Positano.

³⁹ Дневники В.И.Барятинского// Archivio private E.V. Wolkonskaia (Roma); Письма Л.Ф. Достоевской графу Л. Примоли // Museo napoleonico di Roma.

⁴⁰ Questura di Napoli. Archivio di Gabinetto; quarta serie. B. 49. F. 965 (1925–1935) // Archivio di Stato di Napoli.

поля⁴¹. Для выявления имен россиянок, участвовавших в развитии первого международного научно-исследовательского института, изучавшего природу, были изучены списки ученых Неаполитанского Аквариума из архива зоостанции⁴².

Большое значение при изучении правового статуса русских в Италии имело привлечение актов Российского законодательства. Были проанализированы положения «Законов гражданских» с нюансами сохранения и расторжения семейно-брачных отношений за рубежом, наказаниями за «недозволенное оставление отечества» и «преступления против веры». При рассмотрении проблем, связанных с авантюризмом и преступностью изучались статьи «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», распространяющиеся на «русских подданных, находящихся вне государства»⁴³.

Петровская эпоха вызвала к жизни появление путевых заметок.

В условиях ненадежности почты письма порой заменялись путевым журналом, о чем свидетельствуют записки П. А. Толстого⁴⁴, Б. П. Шереметева⁴⁵, Б. И. Куракина⁴⁶, братьев Нарышкиных⁴⁷, Н. А. Львова⁴⁷ и др. Во второй половине XVIII века престиж Италии вырос настолько, что публикации воспоминаний о ней стали рассматриваться как достояние автора и его семьи, даже если они издавались.

В середине XIX столетия по мере возрастания среди русской интеллигенции значения «образа Италии» как романтического идеала стали появляться труды о ее искусстве. В дореволюционной России одним из известных специалистов в области итальянского искусства был П. Муратов, создавший многотомное исследование «Образы Италии»⁴⁸, явившееся квинтэссенцией взгляда русской интеллигенции на достижения итальянского искусства.

Отдельную группу источников составили материалы периодической печати – газеты и журналы России и Италии. В органах итальянской и российской печати регулярно печатались новости о пребывании российской элиты в Европе – деловой и творческой активности, лечения, отдыхе, антикварных пристрастиях. Привлечение в качестве источников объявлений, публиковавшихся на модных курортах Италии, позволило познакомиться с деятельностью деловых женщин, имевших врачебную практику на курортах.

Для исследования особенностей итальянского опыта представительниц дворянского сословия России важнейшее значение имели источники личного происхождения: дневники, переписка, мемуары, работы автобиографического характера: А. С. Пушкина, Л.-Ф. Сегюра, Е. Р. Дашковой, А. Смирновой-Россет, В. Репниной, Е. Волконской, С. Волконского, А. Тютчевой, Ф. Вигеля, П. Вяземского, М. Башкирцевой и других⁴⁹. Полезными для данного исследова-

⁴¹ Provinciale botteghelle di Portici (Napoli). № 92–94 – 80147 // Deposito archivio segreteria studenti. Risultati degli esami di laurea da 1908 a 1924.

⁴² Архив Зоологической станции «Антон Дорн» (Неаполь).

⁴³ Полное собрание законов Российской Империи // Свод Законов Российской Империи // [http://ci-vil.consultant.ru/code](http://ci-vil.consultant.ru/code;); Дворянская империя XVIII века: основные законодательные акты. – М., 1960.

⁴⁴ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе: 1697–1699. – М., 1992.

⁴⁵ Записка путешествия генерал-фельдмаршала российских войск графа Б.П. Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Рим и на мальтийский остров. – М., 1773; Журнал путешествия по Германии и Италии в 1697–1699 годы, веденный состоявшим при великом посольстве русском, к владетелям разных стран Европы // Русская старина. СПб., 1879. Т. 25. Вып. 5. С. 101–132; Шмурло В. Ф. Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского института в Праге. – Прага, 1929. Т. 1/2. С. 5–46;

⁴⁶ Куракин Б.И. Дневник и путевые заметки // Архив князя Ф.А. Куракина. – СПб., 1890. – С. 101–204.

⁴⁷ Львов Н.А. Итальянский дневник. Кельн; Веймар; Вена: Беллау-Ферлаг. – СПб., 1998.

⁴⁸ Муратов П. Образы Италии: в 3 кн. – СПб., 2005. (Книга многократно переиздавалась).

⁴⁹ Башкирцева М. Дневник. СПб. – М., 1902; Волконский С.М. Мои Воспоминания. – Брюссель, 1923; Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. – Л., 1927; Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. – М., 1990; Княжна В.Н. Репнина по записи Шенрока. – М., 1936. Т. 3; Смирнова А.О. Дневник. Воспоминания. – М., 1989; Смирнова-Марли А.Ю. Дорога домой. – М., 2004; Соллогуб В.А. Воспоминания. – Л., 1988; Соловьев В.А. Воспоминания // Русский Вестник. – СПб., 1892.

ния оказались произведения художественно-публицистического плана. В работе были использованы сочинения А. А. Ахматовой, А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. К. Толстого, М. И. Цветаевой и др.⁵⁰

Важными источниками стали произведения изобразительного плана. Без них невозможно обойтись в работе, посвященной пребыванию наших соотечественниц в такой стране, как Италия, – общепризнанной сокровищницы искусства.

Автором были изучены русские и итальянские некрополи (с русскими захоронениями) в Риме, Сан-Ремо, Неаполе, Венеции, Больцано, на Капри для установления имен и фамилии, живших в Италии российских эмигранток.

В монографии используются интервью автора с представителями российского дворянства, ныне живущими в Италии, а также известными итальянскими специалистами в области итало-русских отношений, музейными работниками. Общение с княжной Е. Волконской, настоятелем православного прихода в г. Бари В. Кучумовым, руководителями региональных культурных центров «Италия-Россия» Л. Марино и И. Марино (Неаполь), президентом Центра Российской культуры (Рим) В. Гасперович, архитектором Ф. Петруччи, работниками театров Ла Скала, Сан-Карло, Монте-Карло помогло обнаружить новые материалы, которые расширят наше представление о пребывании российских женщин привилегированных сословий в Италии.

---

⁵⁰ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. – Воронеж, 1990; Герцен А.И. Былое и думы. Т. 2. – Минск, 1957; Достоевский Ф.М. Идиот. – М., 1955; Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Избранные произведения. – Л., 1968; Толстой А.К. Полн. собр. соч. Т.4. – СПб., 1908; Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. – М., 1997.

Глава 1. Формирование и развитие российской диаспоры в итальянских государствах

1.1. Зарождение и развитие русско-итальянских политических и социально-культурных связей

Официальный интерес к Италии со стороны России впервые проявился в XV веке. Сложная ситуация в Европе, общая турецкая опасность, заставлявшая искать надежных союзников, коммерческие интересы стали причиной нескольких дипломатических поездок как из Флоренции в Москву, так и обратно. Плыли по довольно сложному маршруту: из Архангельска вокруг континента до Ливорно, а затем оттуда добирались до Флоренции⁵¹. Со своей стороны папский Рим имел намерение обратить Русь в католическую веру⁵². Интерес к Италии у русских никогда не угасал, ибо это была не только заинтересованность в поиске торговых партнеров и политических союзников против серьезного врага – Турции, но также искреннее признание того, что «римские храмы далеко превосходят остальные всего мира красотой, вложенным в них трудом и великолепием»⁵³.

Во второй половине XV в. Московское княжество, собрав вокруг себя разрозненные земли Северо-Восточной Руси, освободилось от Ордынской зависимости. Новый статус потребовал соответственного архитектурно-эстетического оформления, что стимулировало рост интереса к изучению итальянского опыта. Из Италии в Россию поехали купцы и мастера как пушечного, так и строительного дела, впоследствии часто не возвращавшиеся⁵⁴. Русские бояре видели почти в каждом шпиона Папы Римского, а потому назад их не желали отпускать.

Папа Сикст IV способствовал заключению брака между Иваном III и племянницей последнего византийского императора Зоей Палеолог. В этом поступке также проявилось желание иметь союзника в борьбе против Турции. В мае 1472 г. русские послы прибыли в Рим на переговоры, где были хорошо приняты папой. В базилике святого Петра было совершено бракосочетание через доверенное лицо. Зою отправили в Россию, где она получила имя Софья⁵⁵. С этого момента, по мнению итальянского журналиста Д. Пуччо, «при царском дворе подул ветер перемен... Невесту Ивана III сопровождала многочисленная свита из доверенных лиц, среди которых были и венецианские врачи Антон Немчина и Леон Жидовин»⁵⁶.

Софья предложила пригласить итальянцев для возведения в Кремле нового храма Успения Богородицы. Итальянские архитекторы должны были перенести изысканные формы Ренессанса в российскую столицу. По «научению» воспитателя Софьи – кардинала Виссариона – посол великого князя С. Толбузин доставил А. Фьорованти, главного архитектора Болоньи, имевшего на Апеннинах известность инженера-специалиста по выправлению и укреплению заваливающихся башен. В 1484 г. – через 5 лет после окончания работ над собором – Фьо-

---

⁵¹ Di Salvo M. La missione di I. Cernodanov a Venezia (1656–1657): osservazioni e nuovi materiali // Archivio italo-russo. A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. – Trento, 1997. – P. 57–84.

⁵² Инфессура С., Бурхард И. Дневники // Документы по истории папства XV–XVI веков. – М., 1939. – С. 59.

⁵³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. – М., 1983. – С. 60.

⁵⁴ Габричский Г.А. Итальянские зодчие в России // Россия и Италия. Вып. 2. – М., 1996. – С. 225–231; Подъяпольский С.С. Итальянские мастера в России XV–XVI веков // Россия и Италия. Вып. 4. – М., 2000. – С. 28–52.

⁵⁵ Винтер Э. Папство и царизм. – М., 1964. – С. 37–41.

⁵⁶ Пуччо Д. Итальянцы в России. – Рим, 2008. – С. 45.

рованти, теперь уже как специалист в области артиллерии, был отправлен помогать другому итальянцу – А. Фрязину – строить стены Кремля⁵⁷.

Уже на рубеже XV–XVI веков лучшие умы Италии понимали, что на их родине архитектура Возрождения оказалась сильнее в теории, чем на практике, что неоднократно отмечалось историками архитектуры. «Ренессанс XV в. во многих отношениях был более велик в том, что он хотел сделать, чем в том, что он действительно сделал»⁵⁸, а потому «архитектурное сотрудничество» Италии и России оказалось чрезвычайно выгодно как для начинающих русских мастеров, так и для опытных итальянских творцов⁵⁹. Гениальные работы итальянцев по переустройству Московского Кремля повлияли на развитие русской архитектуры на рубеже XV–XVI вв., что затем повторилось в начале XVIII столетия, а также в его конце.

В архивах также сохранились сведения о поисках политического и торгового сотрудничества. В 1526 г. на переговоры между Василием III и польским королем Сигизмундом I ... был приглашен и представитель папского престола Джан Франческо ди Потенца⁶⁰. Русскому послу было поручено предложить папе Григорию XIII «быти в единачестве и в докончанье и против басурманских всех государей стояти заодно хотим».

Царь Иван IV обещал предоставить свободный проезд итальянским купцам через Россию в Персию и Индию. Уже в середине XVI в. в Москве торговал флорентиец Д. Тедадьди, пользующийся доверием Ивана Грозного. Именно с его слов иезуит А. Поссевино⁶¹ писал о российском царе: «Иван Грозный вопреки тому, что о нем говорят, человек современных взглядов. Его постоянная забота – это вывести свое государство из той обособленности, от которой оно страдает»⁶². В 1602 г. по просьбе великого герцога Фердинанда I царь Борис Годунов дал разрешение на торговлю в русских землях уроженцу Флоренции С. Луссию с сыновьями⁶³.

Великое герцогство Тосканское более других итальянских государств, продолжало прагматично сближаться с Россией. Одним из самых ярких примеров были инициативы по развитию главного порта государства – Ливорно. В 1592–1593 гг. Фердинанд I Медичи издал два указа, получившие общее название «Ливорнийское законодательство» («Legge Livorniana»). Герцогство нуждалось в развитии морской торговли и экономики, поэтому коммерсантам, принадлежавшим к некаатолическим религиям, гарантировалась свобода культа, в том числе погребений. Организованное православное греческое кладбище в Ливорно и поныне остается единственным самостоятельным православным некрополем на итальянской территории. Учрежденное в 1778 г., оно пользовалось покровительством российских властей. На гравюре конца XVIII в., изображающей ливорнийское кладбище, начертано: «Sotto l'alta protezione di S. M. Paolo l'Imperatore di tutte le Russia» («Под высочайшим покровительством Е. И. В. Павла, Императора Всероссийского»). Среди погребенных в Ливорно были подданные Российской империи, скончавшиеся во Флоренции, Риме, Пизе, Неаполе⁶⁴. Первая официальная делегация из России посетила Ливорно по пути в Венецию в декабре 1656 г. Посольство возглавляли И. Чемоданов и дьяк И. Постников. Губернатор Ливорно Серристорри сообщал герцогу Леопольду

⁵⁷ Никитин С. Итальянские истоки российского зодчества // Италия, жизнь как искусство. – М., 2008. – С. 61–62.

⁵⁸ Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти // Леон Батиста Альберти. – М., 1956. – С. 50; Федорова Е.В. Знаменитые города Италии. – М., 1985. – С. 236. Гении Брунеллески, Альберти и др. были способны создать не только принципиально новые здания, но и целые города, но реальность не давала такой возможности.

⁵⁹ Никитин С. Итальянские истоки российского зодчества // Италия, жизнь как искусство. – М., 2008. – С. 63.

⁶⁰ Иван Грозный надеялся, опираясь на посредничество папы и, заручившись поддержкой императора Рудольфа II, добиться более выгодных условий перемирия.

⁶¹ Язькова В. Антонио Поссевино и его московская миссия (по материалам рукописных фондов Ватиканской библиотеки) // Россия и Италия. Вып. 2. – М., 1996. – С. 50–58.

⁶² Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. – М., 1983. – С. 63.

⁶³ К сожалению, в 1606 году они разорились и прекратили свою деятельность.

⁶⁴ Талалай М.Г. Русские мемории на «Английском» кладбище во Флоренции // Julia Bolton Holloway, 1997–2008.

во Флоренцию о распорядке дня московских послов, прикрепляя к своим письмам сводки из газет⁶⁵. Интерес к нравам северной державы проявился в 1657 г. в нескольких городах Италии, где вышли произведения: «Путешествия по Московии» А. Олеария и «Московия» Р. Барберини.

Сложность отношений с Венецианской республикой объяснялась нерешительной позицией русских царей в вопросе оказания помощи в ее борьбе с турками. У венецианского посла Альберто Вимино да Ченеда, проделавшего огромный путь, чтобы склонить Россию на союзничество, осталось неприятное впечатление от «политики невмешательства» царя Алексея Михайловича. Неудивительно, что посольство И. Чемоданова оказалось безрезультатным, русским было отказано в праве беспошлинной торговли⁶⁶.

Петр Великий изменил не только направление русской внешней политики. Огромное внимание он уделял проблемам градостроительства, поэтому стремился, как приглашать в Россию итальянских зодчих, так и готовить в творческой атмосфере Италии свои инженерно-архитектурные кадры, ибо «заботился дать образование дворянам больше, чем другим сословиям»⁶⁷.

В благодарность за союз в борьбе с Портой Петр попросил Венецию принять нескольких «недорослей» для обучения морскому делу и артиллерии⁶⁸. Он помнил об отрицательном опыте правления Бориса Годунова, когда ни один из русских студентов, посланных на обучение в Европу, не вернулся, и все же рискнул⁶⁹.

Среди первой группы, отправленной для учения в Голландию, Англию и Италию, были члены видных придворных семей, 23 человека имели княжеский титул⁷⁰. Таким образом, начиная с петровского времени русские еще сильнее сосредоточили свое внимание на Италии как стране, «...где следовало совершенствоваться художествам, откуда можно было приглашать архитекторов, живописцев, скульпторов, декораторов для оформления обеих столиц»⁷¹. Италия стала одним из самых важных пунктов в топографии путешествий петровского времени – дипломаты посещали Рим, Флоренцию, Мальту; молодые дворяне в Венеции учились морскому делу, в Падуе – медицине, в Рим изучать различные искусства поехали П. Ерохин, Т. Усов, Ф. Исаков, П. Колычев, И. Мордвинов⁷².

Своего сподвижника П. Толстого Петр Великий направил в Италию для «обучения навигацкой науке». Любопытный Петр Толстой не только в совершенстве овладел итальянским языком, но и вел дневник своего двухлетнего путешествия. Один из потомков в этой связи писал о Петре Андреевиче: «Вообще он все сравнивал с тем, что знал и видел в России». Не могла не поразить его Венеция, где «водяные улицы», да к тому же «саней и вовсе не знали». По всей Италии привлекли внимание Толстого монастырские библиотеки и аптеки. В Падуе осмотрел аптекарский огород. Очень понравилась неаполитанская академия, где насчитывалось более 4 тысячи студентов, которые «... учатся до философии и до богословия и иных высоких наук и анатомии»⁷³. Проявляя большой интерес к книгоиздательству в библиотеке одного

⁶⁵ Русские не переставали удивлять местный бомонд как неумением пользоваться столовыми приборами, так и тем, что спали одетыми

⁶⁶ Цит. по: Брикнер А. Русские дипломаты-туристы в Италии в столетии // Русский вестник. – М., 1877. – Т. 1. – С. 57–84.

⁶⁷ Костомаров И.И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. – М., 2009. – С. 690.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Конрад Буссов утверждал, что на учебу во Францию, Англию и Любек Годуновым было послано по шесть человек. Другой иностранный хронист, Петр Петрей, утверждал, что несколько русских учеников были отправлены еще и в Стокгольм. К сожалению, все стали невозвращенцами

⁷⁰ Очерки истории СССР. XVIII век / под ред. Б.Б. Кафенгауза. – М., 1962; Очерки истории СССР с древнейших времен до 1861 года / под ред. П.П. Епифанцева, В.В. Мавродина. – М., 1983. – С. 336.

⁷¹ Лихачев Д.С. Русские и Италия // Strada V. Russi e l'Italia. – Milano, 1995. – Р. 6.

⁷² См.: Юсупов Э.С. Словарь терминов архитектуры. – СПб., 1994. – С. 90.

⁷³ Толстой П.А. Дневник // Русский архив. – М., 1888. – С. 45.

монастыря обнаружил прекрасно изданный фолиант на латинском языке: «История Московская». На досуге перевел «Историю о настоящем управлении Турецкой империи». После возвращения на родину П. А. Толстой стал известным политиком, сделав свою карьеру на «неаполитанском деле» царевича Алексея⁷⁴, ибо за мастерски проведенную операцию по захвату беглого царевича был удостоен в благодарность графского звания⁷⁵.

В этот же период к политико-дипломатическим мотивам отъезда добавились не только образовательные и религиозные, но и выезд очень незначительной части молодежи по «романтическим» причинам: одни чувствовали «зов дальних морей», другие искали «лучшей доли». К концу XVIII столетия по всей Европе, как столичной, так и провинциальной, окончательно сложилась еще один обычай – традиция выезжать за границу для завершения теоретической части программы обучения. В Россию эта «мода» на образовательные поездки молодых людей проникла опять-таки из Европы. Согласно идеям европейского просвещения образование и усвоение достижений предшествующих культур должно было идти как теоретически, так и путем непосредственного знакомства с их памятниками и, в первую очередь, с памятниками античных культур. Как писал в 1779 г. французский литератор Ж. Ж. Лаланд: «В Италии красивых, важных и уникальных вещей больше чем во всей остальной Европе»⁷⁶.

В 1791 г. во время путешествия «с целью изучения искусств и наук древности» скончался в Риме 24-летний дворянин из Ливонии Вильгельм фон Гроте, заведующий императорскими конюшнями Екатерины II. Благодаря стараниям его родного брата Фридриха, на могиле был установлен мраморный саркофаг. Погребение сына рижского купца на кладбище Тестацхо в Риме является самым старым среди сохранившихся захоронений российских подданных в Италии⁷⁷. Впоследствии традиция посещать Италию в рамках общеевропейского путешествия распространилась среди русской знати всех возрастов. «Два города – Рим и Неаполь, казавшиеся воплощением эстетических и моральных ценностей Южной Европы, олицетворяли собою итальянский миф единства природы и искусства. Входящие в обязательную культурную программу для всех путешествующих по Европе, эти города были также вождельной целью русских художников, интересовавшихся, прежде всего, классической античностью и поздним итальянским Возрождением. В начале XIX в. особое значение начинает приобретать Флоренция»⁷⁸.

В то же время все больше развивалась традиция приглашать итальянских архитекторов и художников в Россию. Одним из первых по рекомендации ландграфа Гессен-Гамбургского Петр I пригласил графа Ф. Санти – пьемонтского дворянина, который в 1722 г. был определен «для отправления геральдического художества», т. е. составлять геральдику российских городов. В 1739 г. российскую столицу посетил итальянский просветитель Франческо Альгаротти в составе делегации, прибывшей на свадьбу Анны Леопольдовны. В дневнике путешествия, легшем в основу книги «Письма о России», автор писал о харизматической миссии Петербурга, как «окнище (finestrone – В. О.), вновь открытом на севере, из которого Россия смотрит в Европу»⁷⁹. Данная аллегория впоследствии была использована А. С. Пушкиным⁸⁰.

⁷⁴ В Неаполе пытался спастись сын Петра – царевич Алексей. Драматическая история, завершившаяся Королевстве Общих Сицилий спорна с точки зрения морали, но с точки зрения политики конец ее был предрешен.

⁷⁵ Л.Н Толстой – потомок П.А. Толстого. Черты правнука Петра Андреевича, Ильи Андреевича, даны в «Войне и мире» добродушнейшему, непрактичному старому графу Ростову. Сын Ильи Андреевича, Н.И. Толстой был отцом Льва Николаевича.

⁷⁶ Lalland G.G. Voyage en Italie // Alla ricerca del Sud... – Firenze, 1989. – P. 43.

⁷⁷ Гасперович В., Шумков В., Талалай М. Тестацхо. Алфавитный указатель. – СПб., 2003. – С. 16.

⁷⁸ Тонини Л. Заметки о роли Флоренции в русской культуре первой половины XIX века // Произведения русских художников из музеев и частных коллекций Италии. – М., 1999. – С. 31.

⁷⁹ См.: Альгаротти Ф. Письма о России. – СПб., 2006. – С. 69.

⁸⁰ См.: Пушкин А.С. Медный всадник.

В списке всемирно известных итальянцев, строивших Петербург – имена архитекторов Ф. Растрелли, А. Ринальди, Дж. Кваренги, К. Росси⁸¹. Как уже было отмечено выше, среди них было немало и художников, ибо в XVIII веке влияние иностранных мастеров было так велико, что «практически все наши художники были либо их прямыми учениками, либо копиистами. Так, летом 1756 г. императрица Елизавета Петровна пригласила художника Пьетро Деи Ротари, известного портретом вышеупомянутого графа пьемонтского Франца Санти»⁸².

Выступления итальянских артистов, особенно оперных певцов, также становилось неотъемлемой частью жизни русского двора. Это привело к организации в Санкт-Петербурге постоянной итальянской колонии, состоявшей, в основном, из зодчих и артистов.

Священник датского посольства писал: «Императрица содержит итальянскую труппу, состоящую примерно из 70 оперных певцов. Им выплачивают очень большое жалование... Они ведут жизнь, подобную знатым особам»⁸³. В 1735 г. в Петербург со своей оперной труппой приехал неаполитанец Франческо Арайя, осуществивший постановку нескольких опер. Во второй свой приезд (уже при Елизавете Петровне) Арайя пробыл в России до воцарения императрицы Екатерины II – до 1762 г. Он, как и его коллеги, умел приспосабливаться к вкусам новой публики. Неаполитанские композиторы – Пиччини, Йоммелли... – славились по всей Европе тем, что умели трансформироваться под «стиль» французов, немцев, русских. В 1755 г. в Москве Ф. Арайя написал музыку для первой русской оперы «Цефал и Прокрис», что стало событием в истории музыкальной культуры. Либретто оперы было написано на русском языке А. П. Сумароковым. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Происходящее... увеселение... великолепием возбуждает общее удивление. Шестеро молодых людей российской нации... представляли сочиненную полковником Сумароковым и придворным капельмейстером господином Арайем на музыку положенную оперу Цефал и Прокрис»⁸⁴.

В. П. Одоевский отмечал творческую деятельность и других мастеров оперного искусства: «С царствования Елизаветы Петровны (1741–1761) у нас появились итальянские певцы и капельмейстеры, между прочим, Галуппи, славный тогда преимущественно как сочинитель опер буффа»⁸⁵. В открытом при Екатерине II «Эрмитажном театре» капельмейстерами были Сарти, Паизиелло, Чимароза, Галуппи. В оркестре играли Лолли, Виотти, Буньяни, Роде; пели примадонны Габриелли, Маркези, Тоди, Мажорлети, Шевалье, Мандини⁸⁶; танцевали Ле Пик, Дюпор, Росси, Сантини, Канциани. Декорации для театра писали Гонзаго и Губерти⁸⁷. За техническую часть отвечал Бригонци. Перечень фамилий говорил о вкусах двора, что учитывалось при организации императорского театра. Так, на сцене театра в Эрмитаже, была поставлена комедия «Обманщик», сочиненная Екатериной II по поводу выступлений А. Калиостро и его супруги Л. Феличиане. И аристократы, убедившиеся в 1778–1780 гг. в незаурядных способностях Калиостро, вынуждены были принять мнение императрицы в качестве истины в последней инстанции и занести имя мага в разряд, «потерпевших неудачу» в России⁸⁸.

В мемуарной литературе сохранились исторические анекдоты об увлечении императорского Петербурга итальянской певческой школой. Так, французский мыслитель и моралист

⁸¹ По заказу Петербурга была осуществлена реконструкция Ново-манежного сквера, созданного еще в конце 70-х гг. XIX в. К 300-летию Петербурга в сквере были установлены бюсты Ф.Б. Растрелли, А. Ринальди, Дж. Кваренги, К.И. Росси – итальянских зодчих, строивших город, работы скульптора В.Э. Горезова.

⁸² Алексушина Т. Новое о старинных портретах // Наше наследие № 2 (21). – М., 1991. – С. 10.

⁸³ Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоановны в иностранных описаниях. – СПб, 1997. – С. 123–145.

⁸⁴ Цит. по: Корти М. Неаполь в Петербурге // <http://archive.svoboda.org/50/Files/1996.html#1996-7>

⁸⁵ Цит. по: Одоевский В.П. Дневник. материалы. Переписка. – М., 2005. – С. 95–96.

⁸⁶ Лаппо-Данилевский К.Ю. Об «итальянском дневнике» Н.А.Львова. – М., 2007. – С. 11.

⁸⁷ Львов Н.А. Путевые заметки по Италии 1781 г. // Старые годы. 1909. № 5, № 7. – С. 27–28.

⁸⁸ Карнович Е.П. Калиостро в Петербурге // Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий – СПб., 1884. – С. 123.

Николя де Шамфор в своих «Анекдотах и характерах» рассказывал о том, как императрица Екатерина II возжелала «иметь» в Петербурге вышеупомянутую певицу Габриели. Та запросила «пять тысяч червонцев на два месяца». Императрица приказала передать, что она подобного жалованья не дает ни одному из фельдмаршалов. «В таком случае, – парировала итальянка – пускай ее величество своих фельдмаршалов и заставляет петь»⁸⁹.

Пик популярности итальянских певцов совпал с гастролями великой Анжелики Каталани, посетившей столицу России в 1823 г. А 6 января 1825 г. итальянская прима участвовала в открытии в Москве здания Большого театра. Получив наслаждение от пения московских цыган, певица – в знак восхищения – подарила шаль цыганке Стеше, о чем написал А. С. Пушкин:

*Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой*⁹⁰.

Вершина же увлечения итальянским балетом (и начало создания русского) пришлось на 1830-е гг. Именно в это время приехала в Россию дочь известного итальянского танцовщика Ф. Тальони – выдающаяся романтическая балерина Мария Тальони, которая танцевала в Петербурге пять сезонов подряд, с 1837 по 1842 г. «Марию Тальони, – писал один из русских критиков, – нельзя называть танцовщицей: это – художница, это – поэт в самом обширном значении этого слова. Появление Тальони на нашей сцене принесло невероятную пользу всему нашему балету, и в особенности нашим молодым танцовщицам»⁹¹.

К итальянскому творческому бомонду российской столицы постепенно стало присоединяться и торговое сословие, за благонадежность которого давали свои поручительства посольства. Например, Санкт-Петербургская управа Благочиния выдала билет для свободного пребывания в Санкт-Петербурге уроженцу из Милана конфетчику П. Аквати, который предоставил поручительства от неаполитанского министра дуки (герцога – В. О.). Серра Каприола «на основании Высочайшего Манифеста ноября от 30 дня 1806 г. об иностранцах, по виду из комиссии для разбора иностранных учреждений»⁹². Итальянская колония «до 1828 г. была гораздо многочисленнее. Самый видный... был не из торгового сословия, а живописец и поэт Тончи... По части старинных картин был Бачи-Галуппи. Крупными виноторговцами были Нольчини, Ториани, Джулиани... Де Доменичис, профессор итальянской литературы при Московском университете, Кампиниони – скульптор, Монигетти – торговец гастрономических припасов, Диотти – оптик... Курти – макаронный фабрикант, Мориани, Томазини, а позднее Сапыенца, все трое – учителя пения... Потомство их обрусело. А. Нольчини переселился в Смоленск, держал гостиницу и был даже городским головою»⁹³.

Таким образом, «итальянцы и все итальянское было вокруг, входило в моду, веяло Европой и легкостью»⁹⁴. Росло увлечение итальянским языком. По воспоминаниям А. П. Керн:

⁸⁹ Цитируется по: Шамфор Н. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты. М.: Наука, 1966; Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1877. – М., 2003. – С. 45.

⁹⁰ Цявловская Т.Г. Комментарий к стихотворению А.С. Пушкина «Княгине З.А. Волконской» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.-Л., 1949. – Т. 3 – С. 169.

⁹¹ Скальковский К.А. Балет. Его история и место в ряду изящных искусств. – СПб, 1882. – С. 23. В историю театра М. Тальони вошла как выдающаяся солистка Парижской «Гранд-Опера», первая решившая использовать в танце пуанты.

⁹² Билет на пребывание из С-Петербургской управы Благочиния. Ф. № 109 // Archivio private Mareshca – Serracapriola. Archivio del Stato Napoli.

⁹³ Бутурлин Д.М. Записки 1813–1817 // Русский архив. № 6. – М., 1897. – С. 179.

⁹⁴ Букалов А. Пушкинская Италия // La nostra gazzetta. Помпеи. 07.05.2009. – С. 27.

«Мы вместе читали, работали и учились итальянскому языку у господина Лангера, тоже лицеиста»⁹⁵. Биограф А. С. Пушкина, П. В. Анненков писал: «Пушкин успел выучиться на Юге по-английски и по-итальянски – и много читал на обоих языках», причем, в основном, поэт учился говорить по-итальянски в общении с многочисленными «носителями языка», в которых не было недостатка в Одессе⁹⁶.

С XVIII в. участились заграничные гастроли и итальянских цирковых артистов. О них историк цирка Д. Жандо писал: «Отсюда родом... (из северной Италии – В. О.) знаменитые семьи итальянских артистов, которые объехали весь свет и оставили наследников во всех концах земного шара»⁹⁷. В России их привлекала и щедрая оплата их таланта, и горячий прием со стороны неизбалованных русских зрителей. Многие гастролеры осели здесь навсегда, положив начало цирковым династиям – Феррони, Танти, Валери, воспитав целую школу акробатов, борцов, клоунов, наездников. Цирк братьев Труцци, созданный в XIX столетии, пользовался огромной популярностью и в начале XX в., с успехом гастролируя в 1906 г. по России⁹⁸.

В итоге, благодаря отправке дипломатических миссий в итальянские государства, налаживанию контактов с Папой Римским, работе итальянцев в России и созданию итальянской колонии в Санкт-Петербурге, шло узнавание двух народов и укрепление социально-культурных и политических связей. Более того, как верно отметила исследователь С. А. Тетдоева, Санкт – Петербург стал ярким примером проявления такого процесса развития межкультурных связей, как «стимулированная диффузия», когда одна культура не просто проникает в другую, а стимулирует в ней творческие процессы»⁹⁹. Диалог культур и традиции дружеских отношений должны были способствовать установлению и развитию официальных взаимоотношений между Российской империей и государствами Италии, созданию дипломатических служб, представляющих интересы своих государств и покровительствующих частным интересам своих подданных, выезжавших за границу.

---

⁹⁵ Керн А.П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге, Глинке // Воспоминания. Дневники. Переписка. – М., 1989. – С. 50.

⁹⁶ Букалов А. Пушкинская Италия // *La nostra gazzetta*. – Pompei. 07.05.2009. – С. 27.

⁹⁷ Жандо Д. История мирового цирка. – М., 1984. – С. 67.

⁹⁸ Цирк Труцци // *Новости дня*. 23 сентября 1906.

⁹⁹ Тетдоева С.А. Петербург как пространство русско-итальянского диалога культур XVIII – первой половины XIX века: дис. канд. культуролог. наук. – СПб, 2003. – С.141.

1.2. Установление дипломатических отношений, оформление законодательной базы выезда русских подданных за рубеж

Попытка оформить юридические отношения между Российским государством и его подданными, выезжавшими за пределы своей страны, впервые была сделана Петром III в манифесте 1762 г. «О дарованиях вольности свободы всему российскому дворянству», определившим статус русских дворян, пожелавших находиться за рубежом (о других сословиях в эпоху крепостничества не могло идти и речи). Данным документом была констатирована необходимость возврата на Родину для исполнения своих служебных обязанностей в случае надобности: «Кто ж, будучи уволен из нашей службы, пожелает отъехать в другие Европейские государства, таким давать нашей иностранной коллегии надлежащие паспорта... с таковым обязательством, что когда нужда востребует, то б находящиеся дворяне вне государства нашего явились в своем отечестве, когда только о том учинено будет надлежащее обнародование. То всякой в таком случае повинен со всевозможной скоростью волю нашу исполнить под штрафом секвестра его имени»¹⁰⁰. Таким образом, именно своей готовностью исполнять гражданские обязанности, лицо дворянского происхождения получало гарантию неприкосновенности его недвижимой собственности во время отсутствия на территории России.

Российские же дворянки (в отличие от европейских) получили право отчуждать собственность и управлять ею уже в 1753 г. – со времен правления императриц. В имущественном положении русской женщины сложилась феноменальная ситуация – имущественная самостоятельность при полном личном подчинении мужу. Это доказывают источники права: «После смерти мужа вдова могла требовать от его родственников возврата своего имущества... За долги мужа жена не отвечала. Задолжавший отец семейства отвечал самолично за свой долг, без привлечения к взысканию жены и детей».

В XVIII в. Сводом законов Российской империи была установлена полная раздельность имущества супругов¹⁰¹. В 1775 г. обручение и венчание были объединены в один акт, что продолжило укрепление независимого положения русской женщины. Приданое стало имуществом жены, которым муж не имел права пользоваться и распоряжаться. Получая в личное дарение земли с крестьянами, «благодаря которым они могли жить совершенно независимою жизнью»¹⁰², дворянки-женщины, как и мужчины, могли также воспользоваться правом выезда. Одной из первых получила имения и другое имущество княгиня Е. Р. Дашкова в награду за ее службу¹⁰³. Вскоре она воспользовалась правом вольного путешествия по Европе.

Но такие дарения для женщин в ту эпоху были скорее исключением, чем правилом. Дворяне гораздо чаще и в больших масштабах, чем дворянки, «пожинали весомые плоды в награду за службу государству». Реально обладая широкими правами владения и распоряжения имуществом, формально замужняя дворянка не могла ни работать, ни путешествовать без разрешения мужа (но могла уже выступить с предложением о совместном путешествии – В. О.). С 1700 по 1749 г. среди 105 человек, получивших пожалования из дворцовых земель, имелось только 12 женщин¹⁰⁴. Но именно «при императрицах» женщинам в больших масштабах стали жаловаться «земли с крестьянами и другие ... награды, благодаря которым они могли жить

¹⁰⁰ Дворянская империя XVIII века: основные законодательные акты. – М., 1960. С. 281.

¹⁰¹ Загоровский А.И. Курс семейного права. – М., 2003.

¹⁰² Шашков С.С. Главные этапы в истории русской женщины // Дело. 1871, № 11; Шашков С.С. История русской женщины. – СПб., 1879. – С. 316.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1843). Д. 509. Л. 2–3, 26.

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8 (1841). Д. 213. Л. 3–9, 33–35.

независимой жизнью. ... Чаще стали появляться такие брачные союзы, в которых главою дома были не мужья, а их жены»¹⁰⁵.

Дворяне же (и дворянки), уезжавшие за границу без разрешения монарха, могли подвергнуться конфискации имущества. Европейцы в своих записках отмечали: «Если русский сумеет хитростью выехать из страны, ему запрещают вернуться, а все его имущество конфискуют»¹⁰⁶. Тем не менее, документ с восторгом был встречен большинством дворян: «Пребывание на Родине приобретает особую ценность с тех пор, как император оказал нам отменную милость. Даровав свободу жить, где нам угодно. Это не значит ... чтобы я не желал познакомиться со светом и, особенно, с Италией»¹⁰⁷.

В начале же 1763 г. Екатерина II, недовольная первоначальным текстом манифеста, назначила комиссию для пересмотра этого закона, так как он «в некоторых пунктах еще более стесняет ту свободу, нежели общая отечества польза и государственная служба теперь требовать могут, при переменившемся государственном положении и воспитании благородного юношества». В переработанном виде этот акт появился в 1785 г. как «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

Жалованная грамота дворянству окончательно определила права и привилегии дворянского сословия, ставшего главной опорой престола после подавления бунта Пугачева. Дворянство оформилось как политически господствующее сословие в государстве, имевшее право беспрепятственно отъезжать в другие европейские государства и поступать там на службу при условии возвращения в Россию по первому требованию. Представители же других сословий составляли скорее исключение и выезжали чаще в качестве «обслуживающего персонала». При этом русские дворяне должны были подтверждать свое звание подобающим поведением, рискуя лишиться его вместе со всеми привилегиями, если поступали «не по-дворянски»¹⁰⁸. Екатерининская «Жалованная грамота дворянству», гарантируя помещикам защиту от конфискации имущества по чьему-либо произволу, одновременно давала «широкое законодательное обоснование для лишения прав дворянства». Но на практике конфискация имущества производилась редко. Она предусматривалась, в основном, в наказание дворянам, виновным в государственной измене¹⁰⁹.

Представительские интересы государства и дворянства за рубежом Екатерина II оформила созданием 21 дипломатического представительства, часть из которых работала на территории Итальянских государств¹¹⁰.

Дипломатические кадры во всем мире традиционно набирались из среды аристократов: в российском ведомстве иностранных дел служили или родовитые дворяне или иностранцы. К дипломатическому корпусу, в соответствии с решением «церемониального департамента», должны были принадлежать жены и дети дипломатов до 16 лет, на которых распространялся соответственно дипломатический иммунитет¹¹¹. По замечанию французского посла Л. Ф. Сегюра, «во всех столицах европейских, исключая однако Париж и Лондон, ввелось в обычай, что иностранные послы и министры ... делаются душою общества того города, где живут. Они

¹⁰⁵ Шашков С.С. История русской женщины. – СПб., 1879. – С. 316.

¹⁰⁶ At Home with the Gentry: A Victorian English Lady's Diary of Russian Country Life. Attrib. to Amelia Lyons / ed. J. McNair. – Nottingham, 1998. – P. 22.

¹⁰⁷ Чернышев И.Г. Письмо И.И. Шувалову из Вены 13 января 1762 г. // Русский архив. 1865. – С. 183.

¹⁰⁸ Tovrov J. The Russian Noble Family: Structure and Change. – N.Y., 1987. – P. 3.

¹⁰⁹ Meehan-Waters B. The Development and Limits of Security of Noble Status, Person, and Property in Eighteenth-Century Russia // Russia and the West in the Eighteenth Century / ed. by A Cross. – Newtonville, 1983. – P. 300.

¹¹⁰ Вышинский А., Лозовская С. Дипломатический словарь. – М., 1946. – С. 6.

¹¹¹ Там же.

обыкновенно деятельнее, нежели местные вельможи, оживляют общество, потому что держат открытые дома и часто дают роскошные обеды, блистательные пиры и балы»¹¹².

Таким образом, впервые в истории России знатные женщины получили возможность воздействовать на своих высокородных мужей не только внутри государства, (создавая женские «лобби» при дворе), но и за рубежом, принимая непосредственное участие (а порой и путем скрытого воздействия) в формировании отношений с тем или иным итальянским государством. Почти все дипломатические представительства империи в Италии стали организовывать свои церкви, номинально входившие в епархию Санкт-Петербурга.

Паспортная же система в Российской империи начала формироваться в 1765–1795 гг., когда людей, переселявшихся в другие места, обязывали получать в уездных управах «пропускные письма» и «отпускные билеты», со временем получившие название паспортов. Паспорта (*passaporti* в переводе с итальянского и французского – «разрешения на проезд через порт» – В. О.) выдавались исключительно при переездах, в основном, за границу.

В начале XIX в. паспортную систему ввели на всей территории Российской империи, причем установленного образца паспортов не было. Император разрешил губернским властям самим определять содержание и форму паспортов, но обязательно записывать основные личные данные и приметы (рост, цвет волос и глаз, овал лица и т. д.), срок действия документа (от полугода до трех) и цель путешествия. Паспорт выдавали гражданам всех сословий и обоих полов после достижения 25 лет.

Отрицательной же чертой в сближении России с Европой было увлечение дипломатической знати не столько светской культурой Запада, но сколько западноевропейским бытом. А. С. Пушкин в повести «Арап Петра Великого» высмеял щеголя Корсакова, вывезшего из-за границы лишь парижские моды и пристрастие к французским словам. Этим грешили даже такие выдающиеся люди, как дипломат князь Б. И. Куракин. Он так пристрастился к итальянскому языку, что «воспоминания написал на какой-то смеси русского языка с итальянским»¹¹³.

Неаполитанское королевство – первое из итальянских государств установило прямые дипломатические отношения с Россией: «добившись независимости от австрийской короны в 1734 г. это государство пыталось обрести союзников в условиях сложного европейского равновесия»¹¹⁴. В 1776 г. испанский посол в Вене Магони передал полномочному представителю русского двора князю Д. М. Голицыну желание «его неаполитанского величества завести и содержать ближайшее между обоими дворами дружеское сношение через собственных министров»¹¹⁵. А. К. Разумовский официально представлял интересы Петербурга в Неаполе с 1777 по 1785 г.¹¹⁶. Именно благодаря дипломатии Разумовского в 1787 г. был заключен первый русско-неаполитанский торговый договор. Первый неаполитанский посол в России Муцио да Гаэта герцог Сан-Никола, по словам Екатерины II, «говорил по-русски как русский», перевел на итальянский язык «Россиаду» Хераскова, а также «Поучения» Екатерины своему внуку Александру. Его дипломатическую миссию при Екатерине и при Павле продолжил герцог Серра-Каприола, отличавшийся умом, политическим опытом, умением находить контакты с русскими людьми и ставший одним из авторитетных европейских дипломатов. Посол Сегюр отмечал, что «Серра-Каприола, нравился всем своим добродушием и веселостью. Красавицу

¹¹² Сегюр Л.Ф. Заметки о пребывании в России в царствование Екатерины Второй // Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 341.

¹¹³ Кафенгауз Б.Б. Россия при Петре Первом. – М., 1955. – С. 159–160.

¹¹⁴ Зонина Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений. – Ч. 1. – М., 1998. – С. 22.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Племянник морганатического супруга российской императрицы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовского по распоряжению Екатерины II 1 января 1777 года был назначен в Неаполь в должности чрезвычайного посланника при дворе короля Фердинанда IV. П.А. Вяземский – со слов графа Косаковского – свидетельствовал, что Разумовский, осознав эффективность дипломатии будара, сблизился с королевой Неаполя.

жену его убил климат, к которому он сам... так привык, что, поселился в России и женился на дочери князя Вяземского, одного из значительнейших лиц при дворе Екатерины»¹¹⁷, породнившись с представителями российского дворянства. «Дочь герцога... вышла замуж за графа С. Ф. Апраксина»¹¹⁸. Герцог скрупулезно описывал все происходящее в Петербурге в докладных записках неаполитанскому королю. Отчеты ныне хранятся в Неаполитанском государственном архиве и свидетельствуют об особенностях итальянского восприятия окружающей действительности, уделяющего большое внимание бытовым мелочам¹¹⁹.

Сардинское же королевство, как и большинство итальянских государств, не проявляло инициативы в налаживании связей с Россией, опасаясь негативной реакции со стороны Англии и Франции¹²⁰. Для изучения возможности установления отношений в мае 1770 г. в Турин неофициально был направлен А. И. Нарышкин. Несмотря на неудачные переговоры, постоянно предпринимались новые попытки к сближению с Сардинией. Это было обусловлено необходимостью дислокации русской эскадры на завершающем этапе войны с Турцией в портах Лазурного берега, принадлежавшего в то время Савойской династии. В 1782 г. были установлены дипломатические отношения России с королевством Сардиния, и посланником при дворе Витторио Амедео III Савойского был назначен друг французских просветителей князь Дмитрий Алексеевич Голицын. В 1783 г. вышедшего в отставку Д. А. Голицына сменил князь Н. Б. Юсупов – будущий директор Эрмитажа. Затем были установлены отношения с республикой Венеция (1782 г.) и герцогством Тоскана (1785 г.)¹²¹. Создаваемые посольства и консульства были обязаны покровительствовать прибывавшим русским, ибо в конце XVIII столетия запросы русской знати возросли настолько, что все большее число дворян включали Италию в маршруты своих странствий. Итальянские правительства признавали выдаваемые посольствами документы. Европейская репутация Италии как сокровищницы искусства все более учитывалась именитыми русскими путешественниками. Посещение ее стало дорогим и престижным, именно потому, что преследовало образовательные и эстетические цели.

В начале же XIX в. в связи с изменением политической обстановки образовательные поездки на Запад стали организовываться не так часто, они реже санкционировались государством. И все же европейская жизнь для аристократов уже перестала быть чуждой и загадочной. Старомосковский уклад очень медленно, но все же уходил в прошлое: выезд русских в Италию увеличился не только по служебной линии, но и по личным причинам в связи с тем, что Франция из-за наполеоновских войн временно утратила роль мирового культурного центра.

Война 1812 г. дала огромный толчок развитию идейной и общественной жизни в России. Большое количество русских людей непосредственно прикоснулись – в движении русской армии на запад – к европейской жизни, и это живое знакомство с Западной Европой гораздо сильнее повлияло на русскую душу, чем увлечение Западом в XVIII веке: «По возвращению домой военное общество стало принимать новые нравы. Прежняя пустая жизнь, попойки, карточная игра сменились иным времяпровождением: вместо карт явились шахматы, место кутежей – чтение иностранных газет, офицеры ревностно следили за политикой»¹²². Ощущение русской политической мощи не только поднимало чувство собственного достоинства, но и ста-

¹¹⁷ Сегюр Л.Ф. Заметки о пребывании в России в царствование Екатерины Второй // Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 341.

¹¹⁸ Бутурлин М.Д. Записки 1813–1817 // Русский архив. – Кн. 1. 1897. – С. 431. А.С. Пушкин любил посещать рауты посланников итальянских королей при русском дворе.

¹¹⁹ *Archivio dello stato Napolitano// Ministero affair Esteri, fascio 2909–2918.* Например, его волновал вопрос церемонии целования руки у императрицы Российской Империи: если это нормально для джентльмена, то для жены посла не будет ли это признаком зависимости от русского двора?

¹²⁰ Нечаев С.Ю. Русская Италия. – М., 2008. – С. 30.

¹²¹ Зонова Т.В. Россия и Италия: история дипломатических отношений. – М., 1998. – Ч. 1. – С.18–26.

¹²² Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. – СПб., 1908. – С. 311.

вило остро вопрос о внесении в русскую жизнь всего, чем политически Запад импонировал русским людям.

С 1812 г. в России начался процесс «кристаллизации» политических движений, закончившийся восстанием декабристов¹²³ и наступлением «николаевского времени», выразившегося в Италии как период русского романтизма середины XIX в. Передовые дворяне в условиях «николаевского режима», обреченные на бездействие, в поисках своего «я» приходили к выводу, что остается «одно средство – путешествовать»¹²⁴ и, помимо участия в военных действиях начинали вместе с представителями творческой интеллигенции активно ассимилироваться с «beau monde» на курортах и столицах итальянских государств и центральной Европы¹²⁵. Как не вспомнить метаний лермонтовского Печорина с его типичными ментальными рефлексиями «героя времени». Более или менее долгое нахождение «на водах» стало считаться «хорошим тоном», ведь в Российской империи середины XIX в., кроме необжитого Крыма и нескольких кавказских городов, еще не было своих признанных мест отдыха.

Казалось, сам «воздух Средиземноморья» вдохновлял на новые свершения, а потому в середине XIX столетия такие итальянские города как Ницца, Сан-Ремо, Мерано, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь продолжали оставаться излюбленными местами отдыха привилегированной публики из России, где царствующие особы, знатные персоны, люди искусства, подолгу проводили время. С конца XVIII века и мелкопоместные русские дворяне стали выезжать в европейские страны. Представители русского духовенства при создаваемых православных храмах в Италии начали вести метрические книги, где фиксировали факты рождения, смерти и бракосочетания российских граждан. По мере либерализации рос авторитет и влияние творческой молодежи, стажировавшейся в Риме и Неаполе.

Возникновение же первой «русской колонии» в Италии – в Ницце – относится к 1774 г., когда русская военно-морская эскадра под командованием Орловых облюбовала бухту Вильфранш (итал Виллафранко) как постоянную стоянку на Средиземном море. Орловы заплатили князю аренду за 50 лет вперед и оборудовали «русскую батарею», лазарет, канатную мастерскую¹²⁶. А с начала XIX века этот небольшой приморский городок стал излюбленным местом не только кратковременного отдыха, но и длительного проживания семейств русских аристократов и иных состоятельных эмигрантов.

Вскоре появились первые русские аристократы во Флоренции, Риме, Неаполе. В основном состав колоний наших соотечественников был самым аристократическим. Он был «невелик – не более ста семейств, но не менее половины из них относились к самым известным и титулованным фамилиям старых дворянских родов и высших кругов чиновничества»¹²⁷. Общественная и интеллектуальная жизнь там развивалась под влиянием не только знатных представителей русского бомонда – Бутурлиных, Волконских, Демидовых, но и творческой молодежи, стажировавшейся в Риме и Неаполе. Официальные же отношения между двумя странами продолжали развиваться в основном в виде визитов царствующих особ и членов правительств.

Александр I вернул дворянам привилегии, отмененные Павлом I, и, главное, восстановил действие «Жалованной грамоты дворянству». Уже в первой половине XIX века были случаи использования крепостными юридического права прекращения крепостной зависимости русских людей, находившихся за границей. Так, камердинер В. С. Трубецкого Великанов, оставив «барина» из-за его «запальчивого» характера, «сделался в 1830 годах комиссионером и

¹²³ Зеньковский В. История русской философии. – Paris, 1989. – P. 140. В 1823 г. в Москве возникло два кружка – первый литературный и второй – философский, принявший название «Общества Любомудров».

¹²⁴ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Избранные произведения. – Л., 1968. – С. 567.

¹²⁵ Lo Gatto E. Russi in Italia dal secolo 17 ad oggi. – Roma. 1971. – P. 65.

¹²⁶ Le Roy E. La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines a 1939. – Nice, 1988. – P. 23.

¹²⁷ Нечаев С.Ю. Русская Италия. – М., 2008. – С. 129.

полубанкиром приезжавших в Италию русских путешественников и в 1839 г. имел уже в Каррарских горах собственную каменоломню». Приписавшись в России к 1 гильдии, Великанов поставлял мрамор для отделки Исаакиевского собора, храма Спасителя в Москве и других городах¹²⁸.

В начале XIX века выезд русских в Италию продолжал расти, несмотря на то, что в итальянских государствах, в связи с нарастанием революционно-демократических настроений в Европе, ужесточили контроль как в приграничных областях, так и внутри столиц: «господствовала в то время система паспортов. «Gli passaporti» – слышалось на каждом шагу»¹²⁹. Иностранец же, «думающий посетить священный град Бари, должен был сначала испросить на то позволение от кардинала-архиепископа, папского нунция (посланника – В.О.), а потом от нашей миссии и, наконец, от полицейской префектуры»¹³⁰.

Но, несмотря на эти сложности, дворяне и творческая интеллигенция продолжали вливаться в «beau monde» на курортах и в столицах итальянских государств. В Ниццу, Сан-Ремо, Лидо, где уже проживало немало состоятельных россиян, устремились и представители первой волны политэмигрантов, прибегнувших к невозвращенчеству как к акту протеста против репрессий правительства после 14 декабря 1825 г. Но выезжать могли только очень обеспеченные дворяне, ибо заграничный паспорт при Николае I уже стоил 250 рублей за полгода пребывания, а «в сороковых годах наложена была плата на заграничный паспорт в 500 рублей, с целью ограничить число уезжающих русских, стремившихся пожить в Европе. Но даже эти меры помогали мало»¹³¹. Н. В. Гоголь в 1838 г. из Рима в письме к своему другу А. С. Данилевскому отмечал: «Здесь теперь гибель, толпа страшная иностранцев и между ними немало русских»¹³². Российские дворяне, хорошо зная, что в каждом законе есть исключения, нашли способы освобождаться от оплаты заграничного паспорта: «Те освобождались от этой платы, кто представлял свидетельство от авторитетных докторов, что болезнь их пациента безотлагательно требует лечения заграничными водами. Понятно, что все богатые люди добывали себе легко такие свидетельства и даром получали паспорта»¹³³.

На культурно-политическое сближение не могло не влиять заключение брачных союзов между представителями ведущих аристократических семейств Италии и России. Иностранцы наблюдатели в России замечали, с какой легкостью дворяне, меняя место проживания, продавали родовые владения, не выказывая большой преданности фамильным традициям, если на карту была поставлена финансовая выгода. Август фон Гакстаузен писал, что русский дворянин «точас избавится от своего наследства, если увидит в этом выгоду».

Невзирая на стремления государства отучить дворян расставаться с родовыми землями, русские аристократы распродавали фамильное имущество в масштабах, поражавших заграничных путешественников, причем поведение женщин-помещиц в точности воспроизводило мужское¹³⁴, чему, несомненно, способствовало право русских дворянок реализации своего права на экономическую самостоятельность.

Представители не только столичного, но и провинциального дворянства приобретали роскошные виллы, с размахом отдыхали, вели дела и порой предпочитали российским зарубежные банки. Так, в архивном фонде нижегородских помещиков Шереметевых хранится письмо Адольфа де Равье Сморгревского к Ольге Дмитриевне Шереметевой, в котором содержится предложение о покупке ее римского имения. Другое письмо – из банка Шумахера в

¹²⁸ Бутурлин Д.М. Записки // Русский Архив. – М., 1897. – С. 615.

¹²⁹ Погодин М.П. Отрывок из записок // Русский Архив. – СПб., 1865. – С. 891.

¹³⁰ Муравьев А.Н. Письма, 1841 // Архимандрит Августин (Никитин) «Днесь град Барский радуется» // Нева. 2005. № 11.

¹³¹ Панаева А.И. Воспоминания (1824–1870). – Л., 1927. – С. 134.

¹³² Вересаев В.В. Гоголь в жизни // Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1990. – С. 226.

¹³³ Панаева А.И. Воспоминания (1824–1870). – Л., 1927. – С. 134.

¹³⁴ Haxthausen A. von. Studies on the Interior of Russia. – Chicago, 1972. – P. 250.

Риме, датированное 13 января 1843 г., адресовано В. П. Шереметеву. В нем сообщается о финансовых операциях банка с участием капитала «монсиньера Базиля де Шереметефа», размещенного в этом банке¹³⁵.

С увеличением количества «русского зарубежья» в отношении лиц, выезжающих на постоянное место жительства и, соответственно, переводящих за границу свои имения, был создан Свод Законов о сборах с имений, переводимых за границу. В нем рассматривалось и положение с собственностью, принадлежавшей иностранцам, «служившим в России», ибо в российских столицах к тому времени не только работали европейские посольства, но и были организованы иностранные колонии (как мы видели на примере итальянской).

---

¹³⁵ Цит.: по: Медведева А., Сипатова м. Итало-нижегородское будущее... // Нижегородский предприниматель. Ниж. Новгород, № 2. 2004.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.